

Источник: Твардовский А. Т. В. Ф. Тендрякову. Внуково, 22 июня 1958 г. / А. Твардовский // Письма о литературе, 1930-1970 / А. Твардовский. – Москва, 1985. – С. 128-129.

ТЕНДРЯКОВУ В. Ф.

Внуково, 22 июня 1958 г.

Дорогой Владимир Федорович!

Как всегда, Вы и в рассказе «Пощечина» улавливаете нечто существенное, жизненное, против чего не поспоришь как против факта. Это драгоценный дар — чувство существенного в жизни, глаз и слух на все, что недоступно глазу и слуху авторов, пишущих не от потребности сказать правду, а из соображений сказать то, что будет «в соответствии» и т. п. Но о данном рассказе я хочу вот что сказать. Авторская речь у Вас слишком близка к языку персонажей: говорите Вы и размышляете в закавыченных абзацах; скажем, Рыбец — одно и то же по словесной фактуре, насыщенности «живым» речевым материалом, словечками и оборотами. Это — слабость, и слабость, влекущая за собой другие слабости, уже не «чисто формального» порядка, а самого содержательного. Тут-то форма и показывает, что она, шельма, действительно неотделима от содержания. Вы прячетесь за этой «живой речью» от необходимости дать собственную, с более высокой точки зрения, чем точка Ваших Широковых, Наскоковых и др., оценку излагаемым фактам и поступкам героев, поставить их в ряд с другими, дать им обширный жизненный фон. Это-то куда труднее, чем изъясняться «живой речью» своих персонажей, в этакой «народной» манере. Вы не хотите сказать, что же из этого всего получается (скажем, из этой ситуации), что привлечен Наскоков Широковым к ответу за пощечину и оказывается весь «район» с рыльцем в пушку, всем эта история грозит неприятностями и неудобствами. А Вы просто говорите, вот, мол, как оно бывает у нас (и верно, что бывает!). — что к чему, я не знаю, не мое дело. Фельетонист на Вашем месте, т. е. обратившись к подобной ситуации, знал бы что сказать в конце, а Вы не знаете. И вот почему. Вы взяли факт в фельетонном наклонении, т. е. отключив его от всего остального, чем заняты герои еще, помимо этой истории, а в

конец говорите, что история эта хорошо окончившаяся. И трудно понять — шутите Вы или всерьез. Как будто бы и всерьез: секретарь райкома у Вас не просто решает не выносить сора из избы, а как бы мотивирует это тем, что Рыбец много честных людей припутал к своим махинациям, — потому, мол, черт с тобой, убирайся вон без суда, исключения из партии и т. п. Тогда имейте мужество сказать, что он, секретарь райкома, тоже «в пушку», он — вершина этой районной круговой поруки антигосударственных деяний. Так бы и сказал, например, Нариньяни, что в деле запутаны и такие-то лица. Но Нариньяни легче: он излагает и оценивает отдельный, данный факт, — он, как говорится, не обобщает. А Вы сидите в данном случае между двумя стульями: я, мол, не обобщаю, не говорю, что у нас все сверху донизу пронизано рукомыством, круговой порукой и пр., но и не говорю, что вся эта история произошла в таком-то действительном районе с такими-то действительными лицами. А тут — либо — либо. Вот как оборачивается безобидная и даже обычно хвалимая форма «живой речи», отсутствие авторского, отличимого от нее языка, языка и стиля его прямой, интеллигентной речи человека мыслящего и формулирующего свои мысли не на уровне своих героев, а на ином, высшем.

Я знаю, что Вы не хотите сказать: так все и обстоит «сверху донизу», хотя именно в этом обвинит Вас критика, если напечатать этот рассказ. Но Вы взяли эту свою ситуацию в полном отключении ото всего остального, что еще, кроме махинаций и рукомыства, делают эти люди, — она взята в фельетонном плане, но фельетон легко справляется с этим: «в то время, как вся наша страна...» и т. д., «есть еще отдельные...» и т. д. Смешение жанровых возможностей у Вас обернулось прямо-таки плачевно. Мне думается, что у Вас все это — издержки роста. Вы о многом хотите и можете рассказать, но рассказывать не умеете еще в полную силу, Ваше сегодняшнее стилевое состояние, если так можно выразиться, сродни тому, что характеризует революционно-демократическую, обличительную прозу Н. Успенского, Эртеля и др. Они много знали, видели, но рассказывали об этом по преимуществу языком своих персонажей, на уровне их мышления. А, скажем, Гл. Успенский имел еще, кроме языка своих героев, очень говорливых, еще и свой собственный, обобщающий, поднимающийся *над...*

Пишу это письмецо на случай, что при нынешней моей занятости всяческой хлопотней мне не тотчас удалось бы поговорить с Вами, да и для себя было важно изложить эти соображения на бумаге. Но и на словах мы непременно, если зайдете, так и сегодня поговорим. Мне очень хочется, чтобы Вы меня поняли правильно, что над рассказом нужно еще поработать не в плане «нриглажения опасных моментов», а в плане оснащения всего этого материала на самой высшей основе.

Ваш А. Твардовский